

ГРАМОТЕЙ

ЦИКЛ ИЗ ПЯТИ КНИГ · КНИГА ВТОРАЯ

ПЕЧАТЬ

Тишина — тоже подпись.

РОМАН

АЛЕКСАНДР ЖАРКОВ

МОСКВА · 2026

Александр Жарков

Печать

<https://litres.ru/74684952>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, конец апреля 2026. В Эрмитаже найден мёртвым хранитель Пётр Вяземский. Его дочь Аглая — реставратор, которая после пережитого не произносит ни слова, — исчезает. Профессор Вешняков и полковник Анна Величко ищут её раньше Братства и человека с палочкой. След ведёт от кофеен на Невском к ложе «Три ключа» и замурованной нише владимирского Успенского собора. У Братства свой счёт: сорок четыре имени, сорок четыре молчания. Чтобы остановить его, Аглая должна заговорить. Но у молчания есть цена — и платить придётся не только ей. Второй роман цикла «Грамотей».

Содержание

Пролог. Камень	4
1. Кофейня на Невском	10
2. Тот, кто читает	18
3. Дочь хранителя	23
4. Рисунок брата	30
5. Молчащая	35
6. Михайловский замок	41
7. Ложа «Три ключа»	45
8. Воск	49
9. Голос из эфира	53
10. Тихая комната	57
11. Пишет на бумаге	61
12. Ночь на Гончарной	65
13. Трещина	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Жарков

Печать

*«Камень не лжёт. Лжёт тот, кто читает его
вслух».*

*Из «Сказания о камне», список XVI века, собрание
Братства ключа*

Пролог. Камень

Владимир, апрель 1566 года.

Фома Кривой работал в северной галерее Успенского собора, когда зазвонил колокол.

Он не сразу понял, что это набат. Звонили не в праздничный колокол, не в тот, что созывал людей на службу, а в медный, надтреснутый, который висел на звоннице с самого пожара. Голос у него был хриплый, короткий, будто кто-то бил палкой по пустому котлу. Фома отложил молоток и вытер руки о холщовый фартук.

— Опричники, — сказал мальчик, который держал свечу.
— Кузьма едет.

Мальчика звали Гриша. Ему было двенадцать; он был сыном пономаря и умел читать быстрее, чем Фома. Он стоял у окна, прижавшись лбом к слюде, и смотрел вниз, на дорогу.

— Сколько? — спросил Фома.

— Пятеро. И ещё телега.

Фома посмотрел на плиту.

Она лежала на козлах, серая, тяжёлая, с рядами круглых отверстий. Двенадцать рядов по двенадцать. Сто сорок четыре ямы, каждая глубиной в палец, каждая отшлифована до блеска. По краю шла резьба, похожая на плетёный ремень, а в углу — тамга: три зубца, средний длиннее.

Он работал над ней четыре месяца. Сначала — по рисунку, привезённому из Москвы; потом — по памяти, потому что рисунок сгорел вместе с домом дядя, у которого Фома жил первые недели. Он вырезал отверстия по ночам, при одной свече, и молился, чтобы никто не спросил, зачем.

Спросили.

— Плита готова? — крикнул Кузьма ещё с лестницы.

Он вошёл в галерею, широкий, в чёрной ферязи, с саблей на боку. За ним — двое стрельцов, оба молодые, оба смотрели не на Фому, а на плиту.

— Готова, — сказал Фома.

Кузьма подошёл и присел. Он провёл ладонью по отверстиям, будто гладил животное. В его бороде застряли крошки; от него пахло вином и мокрой кожей.

— Странная работа, — сказал он. — Камень, а дырок больше, чем в решете. Зачем?

— Так велено.

— Кем?

Фома молчал.

— Я спрашиваю.

— Мне не сказывали.

Кузьма усмехнулся. Он выпрямился и посмотрел на мальчика со свечой.

— А ты знаешь?

Гриша отрицательно покачал головой. Свеча дрогнула, воск капнул ему на руку; он не вскрикнул.

— Никто не знает, — сказал Кузьма. — Все делают, никто не знает. Так земля и стоит.

Он достал из-за пазухи грамоту, свёрнутую в трубку, и протянул её Фоме.

— Читай.

Фома не умел читать. Он взял грамоту и сделал вид, что разглядывает печать. Печать была красная, большая, с птицей.

— Не велено, — сказал он. — Я мастеровой.

— Тогда слушай. — Кузьма забрал грамоту. — Плиту везём в Москву. Сегодня. На телеге. Ты поедешь с ней.

— А собор?

— Собор постоит.

Фома посмотрел на стену галереи. За ней, в притворе, спали нищие; у южного портала сидел слепой, который пел вчера; наверху, в хорах, кто-то тихо передвигал скамью. Он подумал о своей дочери, которая ждала его в слободе, и о том, что не успел купить ей сапоги.

— Дай мне час, — сказал он. — Собрать инструмент.

— Тебе не нужно инструмента. — Кузьма кивнул стрельцам. — Грузите.

Стрельцы взялись за плиту. Она была тяжелее, чем казалась; один из них выругался, сорвав ноготь.

Фома отступил к стене. Его рука нащупала за поясом ре�ец — короткий, с широкой рукоятью. Он не собирался никого убивать. Он просто хотел, чтобы рука была занята.

— Кузьма, — сказал он. — Тут трещина.

Кузьма обернулся.

— Где?

— В углу. — Фома указал на пол. — Плита не встанет в гнездо. Надо подтесать.

Кузьма подошёл. Он наклонился, и в этот момент Фома увидел, что стрельцы продолжают держать плиту и не смотрят на них.

Он не ударил. Он просто шагнул назад и наступил на половицу. Половица была подпилена ещё утром; она поднялась, как крышка, и внизу открылась яма — узкая, тёмная, выложенная кирпичом.

— Здесь, — сказал Фома.

Кузьма выпрямился.

— Что здесь?

— Место. — Фома смотрел ему в глаза. — Куда её надо положить.

Кузьма не понял. Потом понял. Он открыл рот, чтобы крикнуть, и Фома ударил его резцом — не в лицо, не в гор-

ло, а в висок, коротко и точно, как учил отец, который всю жизнь резал по дереву и знал, где у человека мягко.

Кузьма упал на колени. Из виска потекла тёмная кровь, тонкая, как нитка.

Стрельцы бросили плиту. Она упала набок, и одно отверстие треснуло.

Фома толкнул её ногой. Плита скользнула в яму, встала на ребро и застряла. Он наступил на неё, надавил. Она пошла вниз.

— Гриша, — сказал он. — Свечу.

Мальчик не двигался. Он смотрел на Кузьму, который ещё дышал.

— Гриша.

Мальчик подошёл. Он держал свечу обеими руками, и пламя стояло прямо, будто в комнате не было ветра.

Фома взял у него свечу и посветил в яму. Плита лежала на дне, лицом вверх. Отверстия были похожи на маленькие окна.

— Запомни, — сказал Фома. — Третий камень справа. Если кто-то спросит.

— Кто спросит?

— Тот, кто умеет читать.

Он опустил половицу. Она встала на место; щель была тонкая, почти незаметная. Потом он взял молоток и ударил по ней рукоятю, чтобы прибить гвозди.

Стрельцы очнулись.

Фома не видел, как они его убили. Он успел только подумывать, что дочь останется без сапог, и что это глупо — думать о сапогах, когда умираешь.

Гриша выбежал через южную дверь. Он бежал вдоль стены, по мокрой траве, мимо слепого, который всё ещё пел. Набат замолчал. В галерее было тихо.

Через два дня плиту достали. Её погрузили на телегу и увезли в Москву. Но когда телега проезжала через Рязанские ворота, одна из досок проломилась, и плита упала в грязь. Возчики ругались, поднимали её верёвками; кто-то заметил, что в углу отбит кусок.

Никто не заметил, что отверстия в плите были не те.

Настоящая плита осталась в полу галереи. Она лежала там двести лет, под каменными плитами, под молебнами, под шагами архиереев. Её не нашли ни татары, ни поляки, ни французы. Её не нашли даже те, кто знал, что ищет.

Камень не лжёт.

Лжёт тот, кто читает его вслух.

* * *

1. Кофейня на Невском

Вешняков пришёл за двадцать минут до времени, которое было написано на салфетке.

Кофейня называлась «Пышечная», хотя пышек в ней не было. Было тесно, тепло и пахло жжёным сахаром. За стойкой девушка в фартуке переворачивала вафли; кофемашина шипела, как рассерженная змея. На окнах лежал конденсат; Невский за ними расплывался в серое пятно.

Он сел у стены, лицом к двери. Поставил на стол телефон, рядом — сложенную газету, которую не читал. В кармане пальто лежало перо Ирмы, в нагрудном, как всегда; он проверил его на ощупь, будто проверял, на месте ли сердце.

Салфетку ему передали в гостинице. Портье сказал: «Вас просили». На салфетке было написано: «Кофейня у Казанского. Завтра, в одиннадцать. Азь». Почерк мелкий, уставный, с нажимом.

Вешняков не спал всю ночь. Он лежал в номере, смотрел в потолок и слушал, как за окном шумит Нева. Он думал о том, что скажет. Он приготовил три вопроса. Первый: «Кто убил Вяземского?» Второй: «Почему вы пришли в Эрмитаж в шесть утра?» Третий он не смог сформулировать. Третий был про Ирму.

В одиннадцать ноль пять дверь открылась, и вошёл Белояр.

Он был в чёрном пальто, застёгнутом до горла, с шарфом, который не развязывал. В правой руке — палка с серебряной головкой в виде птицы. Он шёл медленно, но не хроمال; скорее, берёт каждое движение, как человек, несущий полный стакан. Лицо было серое, отёкшее. Под глазами — тёмные круги, такие глубокие, будто их нарисовали тушью.

Он остановился в дверях, нашел глазами Вешнякова и слегка кивнул. Потом подошёл к стойке и сказал:

— Чай. Чёрный. И вот эту вафлю.

Голос был низкий, с хрипотцой. Девушка за стойкой улыбнулась; он не улыбнулся в ответ.

Он сел напротив. Положил палку на колени — двумя руками, как кладут ребёнка. Пальцы у него дрожали; он спрятал их под стол.

— Спасибо, что пришли, — сказал он.

— Вы не оставили выбора.

— Оставил. Вы могли не приходить.

— Тогда зачем?

Белояр посмотрел в окно. На Невском шёл дождь; люди бежали под зонтами, и зонты были похожи на чёрные грибы.

— Потому что вы читаете, — сказал он. — А я устал писать в пустоту.

Принесли чай и вафлю. Вафля была горячая, с каплей варенья. Белояр взял ложечку, но не стал есть. Он помешивал чай, хотя не клал сахара.

— Вы знаете, кто я, — сказал Вешняков.

— Да.

— Тогда вы знаете, что я могу вас арестовать.

— Нет. — Белояр поднял глаза. — Не можете.

— Почему?

— Потому что у вас нет доказательств. И потому что я вам нужен.

Вешняков положил руки на стол. Он смотрел на эти дрожащие пальцы, на серебряную птицу, на шарф, который закрывал горло. Он думал о том, что перед ним сидит человек, который убил троих. Или четверых. Или больше.

— Вы убили Вяземского, — сказал он.

— Нет.

— На месте преступления была ваша подпись.

— На месте преступления была моя печать. — Белояр отставил чашку. — Это разные вещи.

— Объясните.

Белояр помолчал. За соседним столом двое студентов спорили о футболе; один из них хохотал, запрокинув голову. В кофейне было шумно, но Вешняков слышал каждое слово так, будто они сидели в пустой комнате.

— Я пришёл в Эрмитаж в шесть часов утра, — сказал Белояр. — В шесть двадцать. Вяземский был уже мёртв. Он сидел на стуле перед картиной, и рот у него был забит воском. Я потрогал его руку. Она была холодная. — Он опустил глаза. — Я мог уйти. Я не ушёл. Я достал из кармана воск, размял его в пальцах и поставил свою печать. Потому что

смерть должна быть подписана.

— Вы признаётесь, что осквернили тело.

— Я признаюсь, что закончил фразу. — Белояр посмотрел на него. — Кто-то начал её без меня. Я поставил точку.

— Кто начал?

— Тот, кто считает, что имеет право.

— Кто?

— Вы знаете.

— Я не знаю.

Белояр улыбнулся. Улыбка была усталая, почти виноватая.

— Знаете, — сказал он. — Вы просто не хотите произносить это вслух.

Вешняков почувствовал, как у него холодеет затылок. В книге, которую он нашёл в доме Мурузи, был список. Заикин. Ельцов. Никитин. Вяземский. Четыре тела. Три знака и печать. Если Вяземского убил не Белояр, то кто-то ещё знает о печатях. Кто-то ещё играет в эту игру.

— Кто вас нанял? — спросил он.

— Никто.

— Кто вам платит?

— Никто.

— Тогда почему вы это делаете?

Белояр взял ложечку и наконец попробовал варенье. Он жевал медленно, будто через силу.

— Вы когда-нибудь видели, как горит бумага? — спросил

он.

— Да.

— Нет. Вы видели, как горит бумага в камине. Это не то. Настоящая бумага горит не так. Она не вспыхивает. Она сначала темнеет, как будто впитывает огонь, а потом начинает корчиться. И запах... — Он замолчал. — Запах сладкий. Как у вафли.

Вешняков ждал.

— Я был в галерее, — сказал Белояр.

Вешняков не пошевелился.

— Не в тот вечер, — продолжил Белояр. — В тот вечер я пришёл позже. Когда уже горело. Я стоял снаружи. — Он посмотрел на свои руки. — Я не входил.

— Почему?

— Потому что дверь была заперта.

— Вы лжёте.

— Нет.

— Вы лжёте.

— Нет. — Белояр поднял глаза. — Я никогда не лгу. Я просто называю вещи иначе. Дверь была заперта. Я не смог её открыть. Это правда.

— А Ирма?

— Ирма была внутри.

— Вы видели, как она умирала?

Белояр молчал. Его пальцы перестали дрожать; они просто лежали на столе, белые, как воск.

— Я видел огонь, — сказал он. — Больше ничего.

Вешняков сжал край стола. Он хотел встать, хотел ударить его, хотел схватить за шарф и держать, пока он не скажет правду. Но он сидел и смотрел, как человек напротив него пьёт чай.

— Зачем вы пришли? — спросил он.

Белояр достал из внутреннего кармана сложенный лист. Положил его на стол и подтолкнул к Вешнякову.

— Потому что третья уже здесь, — сказал он.

Вешняков развернул лист.

Это была страница из той же книги, что и первые две: старая бумага, неровный обрез, чернила, выцветшие до коричневого. Сверху — семь строк, написанных уставом. Внизу — одна буква.

— «Молчание — не воздух. Это воск», — прочитал Вешняков.

— Читайте дальше.

Он читал. Строки были простые, почти детские, и от этого страшные.

Молчание — не воздух. Это воск.

Он заливает горло изнутри.

Лицо твоё — как белая страница.

Четыре года ты держала дверь.

А он стоял снаружи и считал.

Щель под дверью. Свет. И мокрый снег.

А я запомнил. Я умею ждать.

Я

Вешняков посмотрел на первые буквы.

М. О. Л. Ч. А. Щ. А. И отдельная «Я».

— «Молчащая», — сказал он.

— Да.

— Это имя?

— Это приговор.

Вешняков перевернул лист. На обороте была приписка, мелкая, в самом низу:

«Третья — та, кто молчит. Она уже здесь. Спроси у брата. Ъ».

— У какого брата? — спросил он.

Белояр встал. Он оперся на палку, и на мгновение его лицо исказилось — не от боли, а от усилия.

— У того, который пропал, — сказал он. — И у того, который вернётся.

— Максим?

— Спросите у полковника. — Белояр надел шарф. — Она знает своего брата лучше, чем вы.

— Стойте.

Белояр остановился.

— Если вы уйдёте, я найду вас.

— Я не прячусь.

— Я найду вас и посажу.

— Попробуйте. — Белояр обернулся. — Только сначала найдите её. Пока её не нашли другие.

Он вышел. Дверь звякнула; холодный воздух прошёл по кофейне, и салфетки на стойке поднялись, как белые птицы.

Вешняков сидел, держа лист. За окном человек с палкой переходил Невский; машины тормозили, брызгали водой. Он дошёл до противоположного тротуара, остановился у витрины и посмотрел на кофейню. Потом поднял руку — не прощаясь, а как будто проверяя, идёт ли дождь, — и исчез в толпе.

Вешняков достал телефон и набрал номер.

— Анна, — сказал он. — У нас есть третья.

* * *

2. Тот, кто читает

Величко стояла в коридоре Главного управления на Литейном и смотрела на дверь кабинета, из которого её только что попросили.

В кабинете сидел человек из Москвы. Он приехал утром, не представился, положил на стол удостоверение и сказал: «Дальше мы сами». Дело Вяземского уходило в ФСБ; петербургская полиция оставалась с протоколами и с ощущением, что её обокрали.

— Полковник.

Она обернулась. За спиной стоял майор **Сергей Дроздов**, сорок два года, круглолицый, с усталыми глазами. Он был из местного управления и последние два дня помогал ей.

— Что?

— Там пришёл курьер. — Дроздов протянул ей пакет. — На ваше имя. Без обратного адреса.

Пакет был плотный, обёрнут крафтовой бумагой, перевязан бечёвкой. На нём было написано: «Полковнику Величко. Лично».

— Проверяли? — спросила она.

— Рентгеном. Ничего. Только бумага.

Она взяла пакет и пошла в пустую комнату для совещаний. На столе стоял стакан с недопитым чаем; кто-то оставил его ещё вчера. Она села, разорвала бечёвку и развернула

бумагу.

Внутри был лист.

Не фотография, не копия — настоящий лист, плотный, чуть пожелтевший по краям. На нём был рисунок, сделанный углём: женщина сидит у окна, сложив руки на коленях. Лицо у неё спокойное, глаза опущены. На губах — тень, будто кто-то провёл пальцем.

В правом нижнем углу стояла подпись: «М. Величко. 2015».

Анна смотрела на рисунок и не могла дышать.

Она узнала руку сразу. Так рисовал только Максим: короткие, уверенные линии, почти без растушёвки, и глаза — всегда чуть больше, чем в жизни, потому что он говорил, что глаза должны запоминать больше, чем видят.

Женщина на рисунке была ей незнакома. Молодая, лет восемнадцати. Тёмные волосы, стянутые в узел. Тонкая шея. И эти руки — длинные, спокойные, как у музыканта.

На обороте было написано карандашом, мелко:

«Она была там. 14.11.2022».

Анна перевернула лист обратно. Потом ещё раз. Потом поднесла к свету. Бумага была старая, но не слишком; уголь не осыпался. Рисунок мог пролежать в папке десять лет.

— Это от Максима? — спросила она вслух.

В комнате никого не было.

Она достала телефон и набрала мать. Гудки шли долго; наконец в трубке щёлкнуло.

— Мам. Это я.

— Аня? — Голос был сонный. — Что случилось?

— Ничего. — Она помолчала. — Ты не помнишь, Максим рисовал девушку? Молодую, с тёмными волосами? Лет восемнадцать.

— Он много кого рисовал.

— Она была его ученицей?

— Не знаю. — Мать вздохнула. — Аня, ты звонишь в семь утра.

— В Петербурге уже одиннадцать.

— У нас семь. — Пауза. — Ты его нашла?

Анна посмотрела на рисунок.

— Нет, — сказала она. — Но кто-то хочет, чтобы я думала, что он жив.

Она положила трубку и села прямо. В коридоре шли люди; кто-то смеялся; телефон на столе вибрировал. Анна не слышала.

Максим исчез в марте 2015 года. Ему было двадцать шесть. Он работал в мастерской при академии, копировал иконы и фрески на заказ; говорил, что копия — это не подделка, а способ понять, как думал мастер. Он был талантлив, но ленив; мог неделю не выходить из студии, а потом пропасть на три дня. Мать привыкла. Анна — нет.

В тот март он позвонил ей вечером. Сказал, что получил заказ: «Один монастырь. Реставрация. Платят много». Он был веселый, возбуждённый. Сказал, что вернётся через ме-

сая. Через месяц не вернулся.

Полиция искала его три месяца. Потом дело закрыли. «Ушёл из дома», — написали в постановлении. Анна тогда училась на третьем курсе; она ходила по мастерским, по монастырям, по вокзалам. Она нашла его куртку в камере хранения на Ладожском вокзале. В кармане был билет до Владимира. Она ездила во Владимир. Там ей сказали, что человека с таким именем не видели.

Десять лет.

Она достала из сумки телефон и набрала Вешнякова.

— Ты где? — спросила она.

— В кофейне у Казанского. — Голос был странный, будто он только что бежал. — Он приходил.

— Белояр?

— Да.

— Что он сказал?

— Что третья — та, кто молчит. И что надо спросить у брата.

Анна посмотрела на рисунок.

— У какого брата?

— У твоего, — сказал Вешняков. — Анна, ты слышишь?

Она слышала. Она смотрела на женщину на рисунке, на её сложенные руки, на тонкую тень на губах, и понимала, что кто-то очень хорошо знает её семью.

— Ко мне тоже приходило, — сказала она. — Рисунок. Максима.

Пауза.

— Где ты?

— На Литейном.

— Никуда не уходи. Я еду.

Она положила трубку. Потом взяла рисунок и поднесла его к окну.

Внизу, на Литейном, стояла машина. Чёрная, с тонированными стёклами. Из неё никто не выходил.

Анна смотрела на машину долго. Потом опустила рисунок и увидела то, чего не заметила раньше.

На обороте, под надписью, была ещё одна строка, написанная очень мелко, почти в самое ребро листа:

«Не верь тому, кто скажет, что я молчал».

* * *

3. Дочь хранителя

Ирина Вяземская жила на Петроградской стороне, в доме с эркером, из которого был виден собор.

Квартира была большая, но пустая. Мебель стояла вдоль стен, как в танцевальном классе; на рояле лежали ноты, которых никто не открывал; в углу висела икона с зажжённой лампадой. Пахло лавандой и пылью.

Ирина Аркадьевна была в чёрном платье и вязаной шали. Волосы седые, коротко стриженные. Лицо сухое, красивое той красотой, которая не боится возраста. Она предложила чай; Вешняков отказался, Величко согласилась.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказала она, когда чайник закипел. — Пётр не был святым. Но он не заслужил того, что с ним сделали.

— Мы ищем не только убийцу, — сказал Вешняков. — Мы ищем человека, который может быть в опасности.

Ирина поставила чашку.

— Кого?

Вешняков достал фотографию. Это была копия снимка из её же квартиры — девочка лет четырёх, с мячом, на фоне дачи. Он увеличил её и распечатал.

Ирина посмотрела на фотографию и не изменилась в лице. Только рука, державшая чашку, чуть дрогнула.

— Откуда это у вас?

— Из вашего дома.

— Вы рылись в моих вещах?

— Мы работаем по делу об убийстве.

Ирина поставила чашку на блюдце. Звук был тонкий, как удар по стеклу.

— Это Аглая, — сказала она. — Дочь Петра от первого брака.

— В деле сказано, что детей нет.

— В деле много чего сказано. — Ирина выпрямилась. — Аглая не Вяземская по документам. Она родилась до брака. Пётр не хотел, чтобы кто-то знал.

— Почему?

— Потому что её мать была... — Ирина подыскала слово. — Неудобной. Она умерла, когда Аглае было шесть. Пётр забрал девочку и отдал в интернат. Потом в училище. Он платил, но не афишировал.

— И вы её никогда не видели?

— Видела. — Ирина посмотрела в сторону. — Дважды. На похоронах матери и... потом.

— Когда потом?

— Когда она перестала говорить.

Вешняков подождал.

— Ей было восемнадцать, — сказала Ирина. — Она училась в академии. Пётр говорил, что у неё талант. Она рисовала иконы. И вдруг... — Ирина щёлкнула пальцами. — Как отрезало. Врачи говорили: психогенное. Никаких поврежде-

ний. Просто перестала.

— Что случилось?

— Никто не знает. — Ирина поджала губы. — Пётр говорил, что дело в каком-то молодом человеке. Художнике. Он исчез, и она замолчала.

Величко почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Как его звали?

— Не помню. — Ирина покачала головой. — Пётр не называл.

Но она лгала. Вешняков это видел: она смотрела чуть левее, чем нужно, и говорила быстрее, чем раньше.

— Ирина Аркадьевна, — сказал он мягко. — Речь идёт о жизни вашей падчерицы. Если вы что-то знаете, скажите.

— Я знаю только, что она живёт в Михайловском замке. — Ирина встала. — Работает в реставрационной мастерской. Пётр устроил её туда, чтобы она была под присмотром.

— И вы не пытались её навестить?

— Она не хотела.

— Почему?

— Потому что она не разговаривает, — сказала Ирина резко. — И потому что я напоминаю ей о том, чего она лишилась.

В комнате стало тихо. Лампада потрескивала. За окном прошёл трамвай; стекла дрогнули.

— Когда вы видели её в последний раз? — спросила Величко.

— В феврале. Она приходила за деньгами. Пётр давал ей каждый месяц. — Ирина помолчала. — Она стояла в прихожей, не разуваясь. У неё были мокрые ботинки. Я сказала, чтобы она прошла. Она не прошла. Взяла конверт и ушла.

— Как она выглядела?

— Как человек, который не спит. — Ирина посмотрела на Величко. — У неё были такие же глаза, как у вас сейчас.

Величко не отвела взгляда.

— Вы знали, что Пётр хранил яйцо?

Ирина замерла.

— Какое яйцо?

— Деревянное. Из Эрмитажа.

— Он хранил много вещей. — Ирина пожала плечами. — Он был хранителем.

— Это яйцо было ключом.

— Я не знаю, что вы хотите услышать. — Ирина подошла к окну. — Пётр не посвящал меня в свои дела. Он говорил: «Чем меньше ты знаешь, тем ты целее».

— И что произошло?

— Он ошибся. — Ирина отвернулась. — Со мной было безопаснее, когда я знала.

Вешняков достал из кармана ещё одну фотографию — ту, из Эрмитажа, с телом. Он не хотел её показывать, но выбора не было.

— Вы знаете этого человека? — спросил он, показывая на человека в пальто, стоявшего в толпе у забора.

Это был кадр из старой записи, снятой в 2022-м у галереи. Молодой человек с палочкой. Лицо размытое, но узнаваемое.

Ирина посмотрела и отвернулась слишком быстро.

— Нет.

— Посмотрите внимательно.

— Я сказала нет.

— Ирина Аркадьевна.

— Я не знаю его! — Она повысила голос. — Я не знаю, кто убил Петра! Я не знаю, где Аглая! Я вообще ничего не знаю! Я десять лет жила с человеком, который приходил домой и молчал. Вы думаете, я не спрашивала? Думаете, я не требовала? Он говорил: «Это не твоё». И я соглашалась. Поэтому что так было проще.

Она замолчала. Плечи у неё опустились.

— Простите, — сказала она тихо. — Я устала.

Вешняков убрал фотографию.

— Мы найдём её, — сказал он.

— Вы не понимаете. — Ирина посмотрела на него. — Она не хочет, чтобы её нашли. Она всю жизнь прячется. Сначала от матери, потом от отца, потом от себя. Если вы её найдёте, она не скажет вам спасибо.

— Мы всё равно попробуем.

Ирина подошла к секретеру и достала из ящика связку ключей. Отделила один — старый, латунный, с бородкой.

— Это от дачи, — сказала она. — В Токсово. Пётр ездил

туда один. Может быть, она там.

— Спасибо.

— Не благодарите. — Ирина положила ключ на стол. — Я делаю это не для вас.

— Для кого?

— Для него. — Она кивнула на фотографию на стене: Пётр Вяземский, молодой, с бородой, стоит у витрины. — Он всегда говорил, что Аглая — его единственная настоящая работа. Я не понимала. Теперь понимаю.

Величко взяла ключ.

— Ирина Аркадьевна, — сказала она. — Вы знаете, что ваш муж продал в 1996 году?

— Кольцо. — Ирина не обернулась. — Он сказал мне об этом в 2022-м. Перед смертью. Сказал, что продал его, чтобы заплатить за лечение Аглаи. Что это был единственный раз, когда он выбрал человека, а не музей.

— Вы ему поверили?

— Я поверила.

— А он не сказал, кому продал?

— Нет. — Ирина помолчала. — Он сказал только: «Теперь оно ушло дальше. И его никогда не вернуть».

За окном снова прошёл трамвай. Лампада мигнула и погасла.

Ирина подошла к иконе и зажгла её снова.

— Идите, — сказала она. — И если найдёте её... — Она остановилась. — Скажите, что я не сержусь.

* * *

4. Рисунок брата

Анна положила рисунок на стол в номере и включила лампу.

Вешняков стоял у окна, спиной к ней. За окном был Литейный, мокрый и серый; машина у тротуара так и не уехала.

— Это его рука, — сказала Анна. — Я не ошибаюсь.

— Я вижу.

— Ему было двадцать шесть. — Она провела пальцем по краю листа. — Он рисовал так ещё с училища. Короткие линии. Он говорил, что длинная линия врёт.

Вешняков обернулся.

— Кто она?

— Не знаю. — Анна посмотрела на женщину на рисунке. — Но он рисовал её не с натуры.

— Почему?

— Свет. — Анна подняла лист. — Видишь? Свет падает слева, но тень на шее справа. Он рисовал по памяти. Или с фотографии.

— Значит, она была ему дорога.

— Или он её боялся.

Анна села на кровать. В номере было тесно: две кровати, шкаф, стол, чайник. За стеной кто-то кашлял.

— В 2015-м он получил заказ, — сказала она. — От какого-то монастыря. Он сказал, что это реставрация. Я потом

узнала, что он копировал плиту.

— Какую плиту?

— Каменную. С отверстиями. — Она посмотрела на Вешнякова. — Он звонил мне за неделю до исчезновения. Сказал: «Представляешь, они нашли камень, который читает». Я спросила: что читает? Он сказал: «Всё».

Вешняков подошёл к столу.

— Он не говорил, где?

— Владимир. — Анна помолчала. — Я потом ездила туда. В 2016-м. Обходила все монастыри. Никто ничего не знал.

— А плита?

— В Успенском соборе есть плита с отверстиями. Я видела. Но она новая, XIX век. Реставраторы сказали, что старая была утрачена.

Вешняков взял рисунок и поднёс к свету.

— Он рисовал её в 2015-м, — сказал он. — А на обороте написано «14.11.2022». Это не могло быть написано тогда.

— Значит, кто-то дописал.

— Или рисунок был отослан позже. — Вешняков посмотрел на Анну. — Бумага старая, но не десять лет. Уголь свежий. Кто-то хранил рисунок и отправил его сейчас.

— Зачем?

— Чтобы ты искала.

Анна встала.

— Он играет с нами. — Она подошла к окну. — Белояр. Он знает, где Максим. Он знает, кто эта женщина. Он даёт

нам рисунок и ждёт, что мы пойдём по следу.

— Да.

— И мы пойдём.

Вешняков не ответил.

— Ты что-то скрываешь, — сказала она.

— Нет.

— Я тебя знаю. — Анна обернулась. — Ты не смотришь мне в глаза.

Вешняков вздохнул.

— Белояр сказал, что был в галерее.

— Что?

— В ту ночь. Он стоял снаружи.

Анна замерла.

— И ты мне не сказал?

— Я говорю сейчас.

— Что ещё он сказал?

— Что дверь была заперта.

— И ты ему веришь?

— Нет. — Вешняков посмотрел на неё. — Но я не могу это проверить.

Анна подошла к нему. Она была ниже его на полголовы, но сейчас смотрела снизу вверх так, будто была выше.

— Если он был там, — сказала она, — почему он не вызвал пожарных?

— Не знаю.

— Почему он не попытался войти?

— Не знаю.

— Почему он жив?

Вешняков молчал.

— Ты защищаешь его.

— Я не защищаю.

— Тогда почему ты не арестуешь его?

— Потому что у меня нет доказательств. И потому что он знает, где Максим.

Анна отступила.

— Значит, ты выбрал.

— Я ничего не выбирал.

— Ты всегда ничего не выбираешь. — Она взяла пальто.

— Ты просто идёшь туда, где больше текста.

Дверь хлопнула. Вешняков остался один.

Он посмотрел на рисунок. Женщина на нём сидела у окна, сложив руки. За её спиной было окно с переплётom; за окном — ничего, белый лист.

Он перевернул лист. Ещё раз прочитал надпись.

«Не верь тому, кто скажет, что я молчал».

Кто мог сказать, что Максим молчал? Сам Максим. Или тот, кто его знал.

Вешняков достал телефон и набрал Гурова.

— Лёня, мне нужна справка, — сказал он. — Максим Величко. Пропал в 2015-м. И все заказы, которые он получал в том году. Особенно от монастырей.

— Ты думаешь, он жив?

— Я думаю, что кто-то хочет, чтобы я так думал.

— Это разные вещи.

— Да. — Вешняков посмотрел в окно. Машина у тротуара наконец уехала. — Но иногда разные вещи ведут в одно место.

* * *

5. Молчащая

Михайловский замок стоял на воде, как корабль, который забыл, куда плывёт.

Вешняков и Величко вошли через служебный вход со стороны Фонтанки. Их встретила женщина в форме смотрительницы, с ключами на поясе, и провела по длинному коридору, где пахло пылью и сыростью.

— Мастерская на третьем этаже, — сказала она. — Но туда нельзя.

— Почему? — спросила Величко.

— Потому что там был пожар. — Смотрительница перекрестилась. — Небольшой. В прошлом году. Проводка.

— Аглая там работала?

— Аглая Петровна — да. Но она сегодня не приходила.

— Когда вы её видели в последний раз?

— Вчера. — Смотрительница остановилась у лестницы.

— Она уходила в шесть. Я сказала: «До завтра». Она кивнула.

— Она всегда кивает?

— Она не говорит. — Смотрительница понизила голос.

— С рождения?

— С восемнадцати.

— Господи. — Женщина вздохнула. — Она хорошая. Тихая. Рисует.

Мастерская была наверху. Дверь была приоткрыта; на ней висела табличка: «Реставрация. Посторонним вход воспрещён».

Вешняков толкнул дверь.

Внутри было светло. Большие окна выходили на Фонтанку; на подоконниках стояли банки с кистями, в углу — мольберт, на столе — икона в процессе реставрации: лик наполовину расчищен, наполовину тёмный.

Но первое, что он увидел, был беспорядок.

Ящики выдвинуты. Бумаги на полу. Стул перевернут. На стене — длинная царапина, будто кто-то провёл ножом.

— Её искали, — сказала Величко.

— Да.

Они прошли вглубь. В маленькой комнате за мастерской была кровать, шкаф и стол. На столе — чашка с остывшим чаем, книга, карандаши в банке. На стене — рисунки, приколотые кнопками: виды Петербурга, наброски рук, лицо старухи.

И один рисунок, который Вешняков узнал.

Женщина у окна. Сложенные руки. Опущенные глаза.

— Это она, — сказал он.

Величко подошла.

— Он рисовал её здесь.

— Нет. — Вешняков покачал головой. — Это другой рисунок. Похожий, но другой. Смотри: свет падает справа. А на том был слева.

— Значит, Максим рисовал её дважды.

— Или она рисовала себя.

Величко посмотрела на него.

— Ты думаешь, она художница?

— Она реставратор. — Вешняков взял рисунок. — И, судя по всему, хорошая.

Под рисунком лежал блокнот. Вешняков открыл его.

Первые страницы были заполнены рисунками огня.

Пламя, нарисованное углём, поднималось со страницы; окна, чёрные на белом; люди без лиц, стоящие у забора. На одной странице был нарисован человек в пальто, с палкой. Лицо отсутствовало — только контур, а внутри пустота.

— Это галерея, — сказала Величко.

— Да.

— Она там была.

Вешняков перевернул страницу.

На следующей был текст. Не рисунок — слова, написанные печатными буквами, ровно, как в прописи:

«Я видела. Я не сказала. Я взяла деньги».

Дальше — ещё страница.

«Он стоял снаружи. Он не входил».

Вешняков почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Кто «он»? — спросила Величко.

— Тот, с палкой.

— Ты думаешь, это Белояр?

— Я думаю, что она видела его в ту ночь.

— И не сказала.

— Ей заплатили.

Величко взяла блокнот. На последней странице был нарисован восковой петух. Не большой, размером с ноготь, с гребешком и круглым глазом.

— Что это?

— Печать, — сказал Вешняков.

В этот момент в коридоре слышались шаги.

Они обернулись. В дверях стоял мужчина в сером костюме, с аккуратной бородой и глазами, которые улыбались отдаленно от лица.

— Господа, — сказал он. — Вы нарушаете режим.

— Мы из полиции, — сказала Величко.

— Я знаю, кто вы. — Мужчина шагнул вперед. — Меня зовут Ефим Ланге. Я куратор реставрационных мастерских.

Он посмотрел на блокнот в руках Величко. И на мгновение — всего на мгновение — его лицо изменилось.

— Вы её знаете? — спросил Вешняков.

— Аглаю? — Ланге улыбнулся. — Конечно. Она работает у меня четыре года.

— Где она сейчас?

— Понятия не имею. — Он развёл руками. — Она взрослая женщина. Приходит, когда хочет.

— Вчера она ушла в шесть, — сказала Величко. — И не вернулась.

— Это Петербург. — Ланге пожал плечами. — Здесь мно-

гие уходят в шесть и не возвращаются.

Вешняков смотрел на его руки. Они были сухие, с длинными пальцами; на правой не хватало фаланги указательного пальца.

— Вы были в Эрмитаже? — спросил он.

— Я работал там в девяностые. — Ланге посмотрел на него. — А что?

— Ничего. — Вешняков взял блокнот из рук Величко и закрыл его. — Мы заберём это.

— Это собственность мастера.

— Это вещественное доказательство.

Ланге прищурился.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда я вынужден вызвать охрану. — Ланге достал телефон. — И, возможно, своего юриста. Он любит такие разговоры.

Величко показала удостоверение.

— Вызывайте.

Ланге посмотрел на удостоверение, потом на Вешнякова. Улыбка вернулась на место.

— Хорошо, — сказал он. — Но я предупреждаю: если вы что-нибудь сломаете, я подам в суд. Здесь всё — федеральная собственность.

Он ушёл. Шаги стихли на лестнице.

Вешняков посмотрел на блокнот.

— Он знает больше, чем говорит.

— И он боится, — сказала Величко.

— Да. — Вешняков открыл последнюю страницу. — Петух. Это его печать.

— Ты думаешь, он убил Вяземского?

— Не знаю. — Вешняков посмотрел в окно. На Фонтанке качалась лодка, привязанная к чугунной решётке. — Но он знает, кто это сделал.

* * *

6. Михайловский замок

Вечером Вешняков вернулся в Михайловский замок один.

Он не сказал Величко. Он вообще не был уверен, что поступает правильно. Но блокнот Аглаи лежал у него в кармане, и рисунок человека с палкой не выходил из головы.

Замок был открыт до девяти. В залах ходили редкие посетители; смотрительницы сидели на стульях и смотрели в телефоны. Вешняков купил билет, прошёл через турникет и поднялся на второй этаж.

Здесь было тише. Портреты императоров висели в ряд, как семейное фото. Павел I смотрел с полотна высокомерно и испуганно одновременно.

Вешняков остановился у окна. Внизу был внутренний двор, залитый водой; в луже отражалось небо.

— Вы всегда ходите по музеям после закрытия?

Голос раздался сбоку. Ланге стоял в дверях, заложив руки за спину.

— Я купил билет, — сказал Вешняков.

— Я вижу. — Ланге подошёл. — Но музей закрывается через сорок минут. И я не люблю, когда посетители задерживаются.

— Мы можем поговорить?

— О чём?

— О Максиме Величко.

Ланге не изменился в лице. Только пальцы, сцепленные за спиной, чуть напряглись.

— Не знаю такого.

— Он работал у вас в 2015-м.

— В 2015-м я работал в Эрмитаже. — Ланге пожал плечами. — И у меня не было мастерской.

— У вас был заказ. Плита из Владимира.

Ланге посмотрел на него долго. Потом улыбнулся.

— Вы перепутали. Плиту заказал Пётр Вяземский. Я только оформлял бумаги.

— И Максим Величко её копировал.

— Копировал. — Ланге кивнул. — Хороший был мастер. Говорили, талантливый. Потом исчез.

— Куда?

— Не знаю. — Ланге подошёл к окну. — В Петербурге люди исчезают. Это не преступление. Это климат.

Вешняков достал из кармана рисунок. Женщина у окна.

— Вы знаете её?

Ланге взглянул и отвёл глаза.

— Аглая.

— Она позировала Максиму?

— Возможно. — Ланге повернулся к нему. — Она была его ученицей. Он учил её рисовать. Потом она перестала говорить. Потом он исчез. Такая история.

— Почему она перестала говорить?

— Спросите у врачей.

— Я спрашиваю у вас.

Ланге помолчал. Внизу, во дворе, кто-то включил фонарь; свет упал на лужу и отразился на потолке.

— Она перестала говорить после того, как увидела, как умирает человек, — сказал он.

Вешняков замер.

— Кого?

— Не знаю. — Ланге посмотрел на него. — Она не сказала.

— Вы её видели?

— Я нашёл её в мастерской. В 2015-м. Она сидела на полу и держала в руках кисть. Кисть была сломана. Она не плакала. Просто сидела.

— И что вы сделали?

— Вызвал врача. — Ланге пожал плечами. — Врач сказал: шок. Пройдёт. Не прошло.

— А Максим?

— Максим исчез в тот же день.

Вешняков почувствовал, как в комнате стало холодно. Он смотрел на Ланге и понимал, что тот говорит правду — или часть правды, которую приготовил заранее.

— Вы знаете, где она сейчас?

— Нет.

— Она вам писала?

— Она не говорит. — Ланге улыбнулся. — И не пишет.

Она рисует.

— Что она рисует?

— Огонь. — Ланге посмотрел на него. — В последнее время — только огонь.

Он повернулся и пошёл к выходу. У двери остановился.

— Господин профессор.

— Да?

— Если вы найдёте её, — сказал Ланге, — не приводите сюда. Здесь ей не будут рады.

— Почему?

— Потому что она видит слишком много. — Ланге посмотрел на него. — А в этом замке за это не любят.

Он вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Вешняков остался у окна. Внизу, в луже, отражалось небо — серое, пустое, как лист бумаги.

Он достал телефон и набрал Величко.

— Анна. Я знаю, кто такая Аглая.

* * *

7. Ложа «Три ключа»

Гуров перезвонил в полночь.

— Я нашёл твою ложу, — сказал он. — Но это не ложа.

Вешняков сидел на подоконнике в номере, с чашкой остывшего чая. Величко спала в соседней комнате — или делала вид, что спит.

— Что это?

— Реставрационный совет. — Гуров шуршал бумагами. — Официально — общественная организация при Михайловском замке. Неофициально — закрытый клуб. Восемь человек. Все — музейные, все с допусками.

— Кто входит?

— Ефим Ланге. Пётр Вяземский — до смерти. Роберт Кранц, юрист. Отец Никодим, настоятель на Смоленском. Ещё четверо — фамилии ничего не говорят.

— Чем они занимаются?

— Реставрацией. — Гуров хмыкнул. — И ещё они называют себя «Три ключа».

Вешняков поставил чашку.

— Это всё?

— Не всё. — Гуров помолчал. — У них есть счёт в австрийском банке. Деньги приходят из Мюнхена. От фонда барона фон Тизенгаузена.

— Того самого?

— Того самого. — Гуров шуршал. — Барон скупает русское искусство. И, судя по документам, финансирует реставрацию. В том числе — Успенского собора во Владимире.

Вешняков встал.

— Они реставрируют Владимир?

— С 2019 года. — Гуров помолчал. — Официально — фрески. Неофициально — я не знаю.

— Кто руководит работами?

— Ланге. — Гуров вздохнул. — Он же куратор. Он же подписывает акты.

Вешняков подошёл к окну. За стеклом было темно; только редкие машины проезжали по Литейному, и их фары выхватывали из темноты мокрый асфальт.

— Лёня, — сказал он. — Аглая Вяземская. Ты можешь найти её медицинскую карту?

— Психиатра?

— Да.

— Это незаконно.

— Я знаю.

Пауза.

— Я попробую, — сказал Гуров. — Но если что, ты меня не знаешь.

— Договорились.

— И ещё. — Гуров понизил голос. — Я проверил человека с палкой. По базе 2022 года. Он проходил свидетелем по делу о пожаре.

— Белояр?

— Да. — Пауза. — Он дал показания. Сказал, что был рядом с галереей. Сказал, что видел человека, который выходил из здания.

Вешняков замер.

— Он назвал имя?

— Нет. — Гуров помолчал. — Но он сказал, что у человека была палка.

— У него самого палка.

— Вот именно.

Вешняков закрыл глаза.

— Лёня, — сказал он. — Ты можешь прислать мне протокол?

— Уже.

Телефон пискнул. Вешняков открыл файл.

Протокол был короткий. Белояр Артём Львович, 1974 года рождения, историк книги, священник (лишён сана). Допрошен 20 ноября 2022 года. Показания: «Я находился на противоположной стороне улицы. Видел, как из ворот вышел мужчина в тёмном пальто. В руке у него была палка с металлическим набалдашником. Он сел в машину и уехал. Я не запомнил лица».

— Он не запомнил лица, — сказал Вешняков.

— Ага.

— Но он описал палку.

— Ага.

Вешняков сел на кровать.

— Значит, в ту ночь у галереи был человек с палкой.

— И это был не Белояр, — сказал Гуров. — Или Белояр, но он описал себя.

— Зачем?

— Вот и я думаю. — Гуров помолчал. — Может, он заметал следы. Может, он играет. Может, у него был сообщник.

— У него нет сообщника.

— Ты уверен?

Вешняков не ответил.

— Ладно, — сказал Гуров. — Я пришлю всё, что найду. И ещё: будь осторожен. Если Ланге — часть этой... организации, они не любят, когда их ищут.

— Я учту.

Он положил трубку и посмотрел на протокол.

Человек с палкой. В ту ночь. У галереи.

Белояр сказал: «Я был снаружи. Дверь была заперта».

Что, если он был не один? Что, если он стоял снаружи, а кто-то другой — с палкой — выходил из ворот?

Вешняков открыл блокнот Аглаи на странице с рисунком. Человек в пальто, с палкой. Лицо пустое.

Он достал карандаш и аккуратно обвёл контур.

Потом посмотрел на рисунок и понял, что видит не пустоту, а очень простую вещь: человек на рисунке стоял не лицом к галерее, а спиной. Он уходил.

* * *

8. Воск

Ланге нашли утром, в его мастерской на четвёртом этаже. Дверь была заперта изнутри. Пришлось ломать.

Вешняков и Величко приехали через двадцать минут. У входа уже стояли машины, люди в форме, кто-то из прокуратуры. Дроздов встретил их на лестнице, бледный.

— Он там, — сказал он. — Лучше не смотреть.

Величко прошла первой.

Мастерская была большая, с высоким потолком и окнами на Фонтанку. Вдоль стен стояли стеллажи с банками, кистями, кусками левкаса. На мольберте — икона, наполовину расчищенная. В центре комнаты — стол, на столе — чашка, лупа, скальпель.

Ланге сидел на стуле.

Он был в рабочем халате. Руки лежали на коленях, ладонями вверх. Голова была откинута назад, будто он смотрел в потолок.

Рот был залит воском.

Воск застыл неровными каплями; он запечатал губы, подбородок, часть щеки. На лбу, чуть выше переносицы, был оттиснут петух — маленький, чёткий, как на сургуче.

На груди лежал лист бумаги. На нём было написано печатными буквами:

«ОН МОЛЧАЛ».

Величко остановилась.

— Это он? — спросила она.

Вешняков смотрел на тело.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не его печать. — Он подошёл ближе. —

Смотри: воск залит в рот, но губы не сшиты. В московских знаках рот был зашит, а потом залит. Здесь только воск.

— Может, он изменил метод.

— Может. — Вешняков наклонился. — Но есть ещё одна вещь.

Он указал на правую руку Ланге. На указательном пальце не хватало фаланги.

— Он потерял палец. А печать поставлена ровно, без наклона. Человек с одной фалангой не смог бы.

— У убийцы две фаланги.

— У убийцы — да.

Величко посмотрела на лист.

— «Он молчал». Это про Ланге?

— Или про того, кого он молчал. — Вешняков выпрямился. — Это не третья печать. Это предупреждение.

— Кому?

— Нам. — Он посмотрел на Величко. — Или тем, кто знает.

В коридоре слышались шаги. В мастерскую вошёл человек в сером пальто, с удостоверением.

— Майор Дроздов? — сказал он. — Меня зовут Стеблов. Аркадий Дмитриевич. Следственный комитет.

Вешняков обернулся.

Стеблов был высокий, сухой, с гладко выбритым лицом и глазами, которые не мигали. Он посмотрел на тело, потом на Вешнякова.

— Профессор, — сказал он. — Вы опять в центре.

— Я консультант.

— Я знаю. — Стеблов подошёл к столу. — И поэтому я хочу, чтобы вы были в курсе: это дело забирают в Москву.

— Почему?

— Потому что это уже не серия. Это война.

Он достал из кармана платок и промокнул лоб, хотя в комнате было холодно.

— Кто его убил? — спросил Вешняков.

— Вы мне скажите.

— Я не знаю.

— Знаете. — Стеблов посмотрел на него. — Вы просто не хотите говорить.

Вешняков промолчал.

— Ладно, — сказал Стеблов. — Я вам помогу. Этот человек, — он кивнул на Ланге, — был частью организации, которая занимается охраной культурных ценностей. Неофициально. Он знал много. Он стал... неудобен.

— Вы его убили?

Стеблов улыбнулся.

— Нет. Но я знаю, кто.

— Кто?

— Тот же, кто убил Вяземского. — Стеблов убрал платок.

— И тот же, кто убьёт следующего, если вы не найдёте де-
вушку.

— Аглаю?

— Её. — Стеблов посмотрел на тело. — Она видела то,
чего не должна была видеть. И она молчит. Пока молчит.

— Вы знаете, где она?

— Нет. — Стеблов повернулся к двери. — Но я знаю, что
она не переживёт ещё одной недели. Ни от нас, ни от него.

Он вышел. Величко посмотрела ему вслед.

— Он лжёт, — сказала она.

— Да.

— Он знает больше, чем говорит.

— Да.

Вешняков подошёл к окну. Внизу, на Фонтанке, лодка всё
ещё качалась на воде. На её борту было написано имя: «На-
дежда».

— Анна, — сказал он. — Нам нужно найти её первыми.

— Или что?

— Или мы найдём тело.

* * *

9. Голос из эфира

Подкаст Белояра вышел в тот же день, в шесть вечера.

Вешняков слушал его в машине, стоя у обочины на набережной. Телефон лежал на панели; голос был тихий, усталый, будто человек говорил из другой комнаты.

— Сегодня я хочу поговорить о молчании, — сказал Белояр. — Не о том молчании, когда нечего сказать. О том, когда есть что сказать, и ты выбираешь не сказать.

Вешняков закрыл глаза.

— В русском языке есть слово «промолчать», — продолжал Белояр. — Оно означает не отсутствие речи. Оно означает поступок. Промолчать — это сделать так, чтобы твой голос не существовал. Это работа. Иногда — самая тяжёлая.

Пауза. В трубке было слышно, как он дышит.

— Я знал женщину, которая промолчала, — сказал он. — Она видела, как умирает человек. Она могла сказать одно слово — и человек остался бы жив. Она не сказала. Ей заплатили. Не деньгами — хотя и деньгами тоже. Ей заплатили тишиной. Ей сказали: «Если ты промолчишь, всё будет как раньше». И она поверила.

Вешняков сжал руль.

— Она была не злая, — сказал Белояр. — Она была испуганная. Это разные вещи. Но результат один.

Он помолчал.

— Я не сужу её. Я не имею права. Но я хочу, чтобы вы знали: молчание имеет вес. Оно давит на человека изнутри, как воск. Сначала мягкое, потом твёрдое. И однажды человек понимает, что не может открыть рот.

Вешняков выключил радио.

В машине стало тихо.

Он сидел и смотрел, как по набережной идут люди. Молодая мать с коляской. Старик с собакой. Двое подростков с наушниками. Все они молчали, и в этом не было ничего страшного.

Он достал телефон и позвонил Тамаре Ким.

Она ответила после третьего гудка.

— Профессор? — Голос был удивлённый. — Вы в Петербурге?

— Да. Мне нужна ваша помощь.

— Слушаю.

— Вы записывали подкаст Белояра в 2015-м?

Пауза.

— Откуда вы знаете?

— Вы говорили об этом в «Тёмной палате». Вы сказали, что у вас есть архив.

— Есть. — Тамара помолчала. — Но он не для публики.

— Мне не для публики. Мне нужно послушать.

— Что именно?

— Всё, что связано с девушкой. Аглаей Вяземской.

Тишина. Потом шорох — она переключала телефон.

— Я знаю это имя, — сказала Тамара.

— Откуда?

— Из старой записи. — Она понизила голос. — В 2015-м Белояр записал интервью с молодой художницей. Она говорила. Ещё говорила. Через месяц она замолчала.

Вешняков почувствовал, как у него по спине проходит холод.

— У вас есть запись?

— Есть. — Тамара помолчала. — Но я не могу её отдать.

— Почему?

— Потому что я дала слово.

— Кому?

— Ей.

Вешняков закрыл глаза.

— Тамара. Её могут убить.

— Я знаю. — Голос дрогнул. — Я пыталась её найти. Она не отвечает.

— Где вы храните запись?

— В надёжном месте.

— Тамара.

— Я подумаю, — сказала она. — Позвоните завтра.

Она положила трубку.

Вешняков посмотрел на телефон. Потом на набережную.

На противоположной стороне улицы стоял человек в чёрном пальто, с палкой.

Он не двигался. Просто стоял и смотрел.

Вешняков вышел из машины.

Человек поднял руку — медленно, как будто прощаясь, — и сел в чёрную машину. Машина уехала.

Вешняков стоял на набережной, и ветер с Невы бил ему в лицо.

* * *

10. Тихая комната

Смоленское кладбище было пустым.

Дождь кончился; над куполами висело бледное небо. Между могилами ходили вороны, и их шаги были слышны, как шаги людей.

Вешняков и Величко шли по центральной аллее. Величко держала руку в кармане, где лежал пистолет.

— Она должна быть здесь, — сказал Вешняков.

— Почему?

— Потому что Ланге сказал: «Она видит слишком много».

А отец Никодим — из ложи. И он настоятель здесь.

— И ты думаешь, она прячется у него?

— Я думаю, он её прячет.

Церковь стояла в глубине кладбища, маленькая, белая, с зелёным куполом. Дверь была открыта.

Внутри пахло ладаном и сыростью. У алтаря горели свечи. На скамье сидел старик в чёрной рясе, с длинной бородой и руками, как у крестьянина.

— Отец Никодим? — спросил Вешняков.

Старик поднял голову.

— Вы из полиции?

— Да.

— Я ждал. — Он встал. — Она в комнате за алтарём. Я не мог её выгнать. Она пришла ночью, мокрая, и не уходила.

— Она говорила?

— Она не говорит. — Старик посмотрел на Вешнякова.

— Она пишет.

Он провёл их через маленькую дверь в комнату, где стояли стол, кровать и шкаф с книгами. На столе горела лампа. За столом сидела женщина.

Она была худой, с тёмными волосами, стянутыми в узел, в сером свитере и мужских ботинках. Перед ней лежал лист бумаги и карандаш.

Она подняла глаза.

Вешняков узнал её сразу. Женщина с рисунка. Только старше. И глаза были не спокойные, а пустые, как выключенный экран.

— Аглая? — сказал он.

Она не ответила. Она смотрела на него, и её рука с карандашом неподвижно лежала на бумаге.

— Меня зовут Даниил Романович. Я ищу вашего отца... то есть того, кто убил вашего отца.

Она не отвела взгляда.

— Я знаю, что вы видели, — сказал он. — И я знаю, что вы боитесь.

Она медленно наклонила голову. Потом написала на листе:

«Вы один?»

— Со мной полковник Величко. Она сестра Максима.

Рука Аглаи дрогнула. Карандаш покатился по столу и

упал.

Она посмотрела на Величко. Долго. Потом взяла карандаш и написала:

«Я знаю».

Величко шагнула вперёд.

— Где он?

Аглая не ответила. Она написала:

«Он жив».

— Где?

«Не знаю. Он писал мне. Один раз».

— Когда?

«В 2024-м».

Величко закрыла глаза. Вешняков взял её за руку.

— Аглая, — сказал он. — Кто вас преследует?

Она перевернула лист и написала:

«Он был снаружи».

— Кто?

«Человек с палкой».

Вешняков почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Вы видели его в ночь пожара?

Она кивнула.

— Он был один?

Она покачала головой. Потом написала:

«Двое вошли. Один остался снаружи».

— Кто были те двое?

«Люди. В чёрном. Я не видела лиц».

— А человек с палкой?

«Я видела его лицо».

Вешняков сел на стул напротив неё.

— Вы можете его нарисовать?

Аглая посмотрела на него. Потом на Величко. Потом взяла новый лист.

Она рисовала быстро, уверенно. Сначала контур пальто, потом шарф, потом шляпу. Лицо появилось в последнюю очередь: длинное, худое, с глубокими глазами.

Вешняков смотрел, как появляется лицо, и чувствовал, что не может дышать.

Это было лицо Белояра.

Только моложе. И без палки. Палка была в руке — серебряная птица на набалдашнике.

— Это он, — сказал Вешняков.

Аглая кивнула.

— Он вошёл?

Она покачала головой.

— Он стоял снаружи?

Кивок.

— И не помог?

Она посмотрела на него. В её глазах не было слёз. Только усталость.

Она написала:

«Он смотрел».

* * *

11. Пишет на бумаге

Они просидели в комнате до вечера.

Отец Никодим принёс чай и хлеб. Аглая ела медленно, отламывая маленькие куски. Карандаш лежал рядом с тарелкой.

Вешняков задавал вопросы. Она отвечала на бумаге.

«14 ноября 2022 года. Я была в подвале галереи. Я реставрировала икону для Ирмы. Она попросила прийти вечером, когда не будет людей».

Вешняков смотрел на имя «Ирма» и чувствовал, как у него немеют пальцы.

— Вы знали её?

Кивок.

«Она была добрая. Она говорила, что я должна выйти из тени. Она предлагала мне работу».

— Какую?

«В галерее. Реставрация. Она хотела, чтобы я выставлась».

— А вы?

«Я боялась».

— Чего?

Аглая помолчала. Потом написала:

«Людей».

Она перевернула лист.

«В тот вечер я была в подвале. Услышала шаги. Двое мужчин вошли. Они говорили с Ирмой. Один сказал: „Отдай то, что взяла“. Она сказала: „Я ничего не брала“».

Вешняков замер.

— Что она взяла?

«Документ. Из подвала. Она нашла его за неделю до этого. Она сказала, что это про Библиотеку».

— Вы видели документ?

«Нет. Она спрятала его».

— Где?

«Не знаю».

Аглая продолжила писать.

«Они стали кричать. Потом один ударил её. Она упала. Я хотела выйти, но не могла. Я сидела за стеллажом».

— И что было дальше?

«Они ушли. Потом начался пожар».

— Кто их поджёг?

«Не знаю. Я слышала, как они говорили: „Всё должно сгореть“».

— Вы видели их лица?

«Нет. Они были в масках».

— А человек с палкой?

«Он стоял на улице. У забора. Я видела его через окно подвала. Он смотрел на огонь».

— Он не входил?

«Нет».

— Он не помог?

«Он стоял».

Величко сидела в углу, сжав руки. Она не плакала; она смотрела в стену, и её лицо было как камень.

— Почему вы не сказали полиции? — спросила она.

Аглая посмотрела на неё. Потом написала:

«Мне заплатили».

— Кто?

«Человек из ложи. Ланге. Он сказал: „Если ты расскажешь, тебя убьют. Если промолчишь, мы тебя спрячем“».

— И вы взяли деньги?

Пауза. Потом:

«Да».

— Сколько?

«Триста тысяч».

Величко встала.

— Вы взяли деньги за молчание о смерти женщины?

Аглая не отвела взгляда. Она взяла карандаш и написала:

«Я знаю, кто я».

Вешняков вмешался.

— Анна.

— Нет. — Величко повернулась к нему. — Пусть она скажет. Она видела, как умирает человек, и взяла деньги. А теперь мы должны её защищать?

Аглая написала:

«Я не прошу защищать. Я прошу найти его».

— Кого?

«Человека с палкой».

— Зачем?

Аглая посмотрела на Вешнякова. В её глазах впервые появилось что-то живое — не страх, а ярость.

Она написала:

«Я хочу спросить, почему он не вошёл».

Вешняков закрыл глаза.

В комнате было тихо. Лампа горела; за окном темнело; на кладбище кричала ворона.

— Аглая, — сказал он. — Вы знаете, кто он?

Она кивнула.

— Кто?

Она взяла лист и написала одно слово:

«ПИСЕЦ».

* * *

12. Ночь на Гончарной

Она пришла в галерею в половине седьмого.

Было холодно. С Невы дул ветер, и лужи на тротуаре покрылись тонким льдом. Аглая несла сумку с кистями и банку с растворителем; в другой руке — пакет с иконой.

Галерея была в старом здании шёлкоткацкой фабрики. Внутри пахло краской и пылью. На первом этаже шла выставка; на втором — мастерские; в подвале — архив и хранилище.

Ирма ждала её в подвале.

Она стояла у стеллажа, в свитере и джинсах, с фонариком в руке. Волосы были собраны в хвост; на щеке — пятно краски.

— Пришла, — сказала она. — Я думала, ты не придёшь.

— Я обещала.

— Ты всегда держишь обещания?

— Стараюсь.

Ирма улыбнулась. Она была старше Аглаи на девять лет, но в ней было что-то детское — в улыбке, в том, как она быстро двигалась.

— Смотри, — сказала она и отвела Аглаю к стене.

За стеллажом был узкий проход. В конце — дверь, обитая железом. Ирма открыла её ключом.

— Что это?

— Подвал в подвале. — Ирма посветила фонариком. — Я нашла его неделю назад. Тут был архив. Всё сгнило, но кое-что осталось.

Аглая вошла.

Комната была маленькая, с низким потолком. На полу лежали коробки. В углу — сейф, старый, с облупившейся краской.

— Смотри. — Ирма подняла с пола папку. — Это опись. 1937 год. «Библиотека. Дело о перемещении». И ещё вот это.

Она достала лист. На нём была фотография: каменная плита с отверстиями.

— Что это?

— Не знаю. — Ирма посмотрела на неё. — Но здесь написано: «Ключ третий. Владимир».

Аглая взяла лист. Бумага была старая, но фотография чёткая: плита с рядами отверстий, в углу — тамга.

— Это то, что искал Пётр Ильич? — спросила она.

Ирма кивнула.

— Он говорил о ключах. Он сказал, что один ключ у него. Второй — в Эрмитаже. Третий — во Владимире. Он хотел всё собрать.

— Зачем?

— Чтобы открыть Библиотеку.

Аглая посмотрела на неё.

— Вы верите в Библиотеку?

— Я верю в документы. — Ирма улыбнулась. — И в то,

что за них убивают.

Она закрыла сейф.

— Я отдам это в полицию. Завтра.

— Кому?

— Есть один человек. В Москве. Он умеет читать такие вещи.

Аглая хотела спросить, кто, но не успела.

Наверху хлопнула дверь.

Ирма погасила фонарик.

— Тихо.

Они стояли в темноте. Над головой раздались шаги — медленные, тяжёлые.

— Кто это? — прошептала Аглая.

— Не знаю. — Ирма взяла её за руку. — За стеллаж.

Они спрятались. Аглая прижалась к стене; банка с растворителем больно давила в бок.

Дверь подвала открылась.

Вошли двое. У одного был фонарь; луч скользнул по стеллажам, по коробкам, по лицу Ирмы.

— Ирма Матвеевна, — сказал человек. — Мы знаем, что вы здесь.

Ирма не двигалась.

— Выходите. Мы не хотим неприятностей.

Тишина.

— У вас есть то, что нам нужно. Отдайте — и мы уйдём.

Ирма отпустила руку Аглаи. Она шагнула из-за стеллажа.

— У меня ничего нет.

— Есть. — Человек подошёл ближе. — Документ. Из этого подвала.

— Я не знаю, о чём вы.

— Знаете.

Второй человек обошёл стеллаж с другой стороны. Аглая увидела его ботинки — чёрные, мокрые.

— Ирма Матвеевна, — сказал первый. — Мы не хотим, чтобы вы пострадали. Но мы не можем позволить вам отдать это кому-то.

— Это не ваше.

— Это не ваше, — согласился он. — Это не принадлежит никому. Именно поэтому это должно исчезнуть.

Ирма попятилась.

— Я уже отдала.

— Кому?

— Не скажу.

Человек вздохнул.

— Жаль.

Он шагнул вперёд и ударил её.

Аглая закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Она видела, как Ирма упала, как второй человек наклонился над ней, как первый сказал:

— Ищите.

Они начали рыться в коробках. Аглая сидела за стеллажом, сжавшись в комок. Она видела их руки, их фонари, их

тени на стене.

Потом один из них сказал:

— Здесь ничего.

— Значит, она спрятала.

— Или отдала.

— Кому?

— Проверим.

Они вышли. Дверь осталась открытой.

Аглая подождала. Потом выползла из-за стеллажа.

Ирма лежала на полу. Она была без сознания; из губы текла кровь.

Аглая хотела её поднять. Но в этот момент наверху снова хлопнула дверь, и запахло бензином.

Она побежала.

Она не помнила, как выбралась. Помнила только лестницу, огонь на ступенях, дым, который ел глаза. Помнила, как выбежала через чёрный ход во двор и увидела за забором человека.

Он стоял под фонарём. В чёрном пальто, с шарфом. В руке — палка с серебряной птицей.

Он смотрел на огонь.

Аглая хотела крикнуть. Но голос не вышел. Она открыла рот, и из горла вырвался только хрип.

Человек повернул голову. Он посмотрел на неё — прямо, спокойно, без удивления. Как будто ждал.

Потом он поднял палку — не угрожая, а как будто хотел

показать, — и ушёл.

Аглая стояла во дворе, пока не приехали пожарные.

Потом её нашёл Ланге. Он привёл её в машину, дал воды и сказал:

— Ты ничего не видела.

Она кивнула.

— Ты ничего не скажешь.

Она кивнула.

— Мы тебя спрячем.

Она кивнула.

Через неделю она получила конверт с деньгами. Триста тысяч рублей. Она взяла.

И замолчала.

* * *

13. Трещина

— Ты знал, — сказала Величко.

Они стояли на набережной, у машины. Аглая осталась в церкви с отцом Никодимом; у дверей дежурил наряд.

Вешняков смотрел на воду.

— Что знал?

— Что Белояр был там. В ту ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.